

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 266–286.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 1. P. 266–286.

Научная статья / Original article

УДК 94(470)"1990"

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-266-286

КУЛЬТУРНЫЙ WINRAR: АРХИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ

Владимир Борисович Калашников

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, vkalashnikov@hse.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается феномен архивной революции в России 1990-х годов и его влияние на культурные процессы в стране. Рассекречивание архивов привело к трансформации исторической науки, появлению новых исследовательских направлений и изменению музейной политики. Анализируются методологические подходы к работе с архивными материалами, формирование новой историографической традиции и влияние этих процессов на общественное сознание. Особое внимание уделяется феномену «вытеснения советского» и его отражению в музейной практике, архитектуре и массовой культуре. С середины 1990-х годов происходит посте-

пенный переход от критического пересмотра прошлого к его консервации и рефлексивному осмыслению. Формируется тенденция виктимизации советского опыта, что проявляется в музейных экспозициях, художественных инсталляциях и исследовательских подходах. В то же время наблюдается рост интереса к досоветскому наследию, что находит выражение в архитектурной практике и визуальных стратегиях оформления городской среды. В XXI веке изучение советского прошлого приобретает новые черты: расширяется спектр исследуемых тем, растет использование зарубежных архивных источников, развивается цифровизация исторических данных. Таким образом, работа демонстрирует эволюцию отношения к архивному наследию и его роль в формировании культурной памяти современной России.

Ключевые слова: архивная революция, рассекречивание архивов, культурная практика, виктимизация, консервация, советское наследие

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Калашников В. Б. Культурный WinRAR: архивная революция и ее восприятие в российской культурной практике // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 266–286. doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-266-286.

Memory of Culture

CULTURAL WINRAR: THE ARCHIVAL REVOLUTION AND ITS RECEPTION IN RUSSIAN CULTURAL PRACTICES

Vladimir B. Kalashnikov

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, vkalashnikov@hse.ru

Abstract. This study explores the phenomenon of the “archival revolution” in 1990s Russia and its impact on the country’s cultural processes. The declassification of archives led to a transformation in historical scholarship, the emergence of new research directions, and changes in museum policies. The paper examines methodo-

logical approaches to working with archival materials, the formation of a new historiographical tradition, and the influence of these processes on public consciousness. Particular attention is given to the phenomenon of the “expulsion of the Soviet” and its reflection in museum practices, architecture, and mass culture. Since the mid-1990s, there has been a gradual shift from a critical reassessment of the past to its conservation and reflective reinterpretation. A tendency towards the victimization of the Soviet experience emerges, manifesting in museum exhibitions, artistic installations, and scholarly approaches. At the same time, there is a growing interest in pre-Soviet heritage, reflected in architectural practice and visual strategies for urban design. In the 21st century, the study of the Soviet past acquires new dimensions: the range of research topics expands, the use of foreign archival sources increases, and the digitization of historical data develops. Thus, this work demonstrates the evolution of attitudes towards archival heritage and its role in shaping the cultural memory of contemporary Russia.

Keywords: archival revolution, declassification of archives, cultural practices, victimization, conservation, Soviet heritage

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kalashnikov, A. I. (2026) “Cultural WinRAR: The Archival Revolution and Its Reception in Russian Cultural Practices”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(1), pp. 266–286. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-266-286.

Архивная революция 1990-х годов спровоцировала в России целый комплекс процессов и тенденций совершенно разного характера в логике различных системообразующих факторов. Рассекречивание архивов — изначально политическое событие, ее прямой суррогат. После августовских событий 1991 года президент Б. Н. Ельцин подписал несколько указов, в том числе «О партийных архивах», что заложило основу для переосмысления и рестройки архивной сферы. Эти нормативные акты стимулировали активное участие архивных учреждений в процессе публикации и распространения исторических документов, прежде всего относящихся к новейшему периоду российской истории. В период с 1992 по 1998 год подлежали рассекречиванию

порядка 6,5 млн дел [Латышев, 1996, с. 3]. Архивы оказались в центре общественно-политического движения страны.

Совпав по времени с крушением советской государственной системы, раскрытие ранее закрытых архивов приобрело несколько знаковых черт. Прежде всего, новые документы стали активно использоваться в процессе формирования идеологических интерпретаций прошлого, часто в духе антисоветской риторики. Это во многом было связано с отсутствием разработанных методологических инструментов для анализа столь обширного массива исторических источников. Распад марксистско-ленинской исторической парадигмы, долгое время определявшей научное знание, обострил теоретическую и методологическую уязвимость исторической науки в постсоветский период. Эта ситуация стала отражением общего кризиса исторического знания конца XX века, вызванного фрагментацией научных подходов и отставанием в их синтетическом осмыслении.

Проблемы, возникшие в отечественном архивоведении, во многом перекликались с европейской ситуацией конца XIX — начала XX века, когда происходило становление современного архивного мышления (см.: [Люббе, 2016]). В более широком контексте архивная революция может рассматриваться как один из элементов масштабных трансформаций в России 1990-х годов, наравне с изменениями в сфере образования и методологии гуманитарных наук. За последние три десятилетия подходы к работе с архивными документами претерпели значительные изменения, повлиявшие не только на научное знание, но и на культурные процессы внутри страны.

Доархивный период

Первая значимая попытка в логике работы с архивными материалами связана с исследовательским опытом Шейлы Фитцпатрик. Приехавшая в Москву в 1960-е годы в поисках источников для диссертационного исследования об А. В. Луначарском молодая исследовательница неосознанно стала первой, кто сформулировал методологию работы с советскими архивами. В результате Фитцпатрик была сконструирована особая эвристическая модель, согласно которой СССР (на примере концепта «культурной революции») представлялся в качестве особой страны («мира») с уникальной и даже диковинной политикой и культурой, требующей таких же специфических подходов [Хестанов, 2013]. Отличительной чертой данного подхода стало сознательное отступление от традиционного представления о советском государстве как об исключительно тоталитарной системе. Вместо этого предлагалась новая перспектива, в которой сталинская эпоха и советский строй в целом рассматривались как свое-

образная цивилизация с собственной логикой, институтами, культурными кодами и внутренней сложностью. Переход к такому взгляду требовал переосмысления исследовательского инструментария: необходимо было разрабатывать и применять новые аналитические подходы и методологические рамки, способные адекватно описывать многообразие и внутреннюю противоречивость советского опыта. Подобные изменения в исследовательской оптике стали заметной чертой западной историографии, особенно в американской научной традиции 1970–1990-х годов, где все больше внимания уделялось социальным структурам, повседневности и культурным формам советской жизни, а не только политическим репрессиям и диктатуре. Работы, написанные в этой парадигме, объясняли советский строй как результат негласного договора. Политический режим существовал далеко не только за счет аппарата насилия и контроля. Он получал реальную социальную поддержку в виде лояльных кадров ИТР, а также научной и административной интеллигенции, которой удавалось стать бенефициаром режима, извлекая определенные выгоды [Фитцпатрик, 2001, с. 266]. Примечательно, что в этот же период в СССР складывался схожий дискурс, но в исключительно ограниченных рамках, которые касались развития советского искусства как естественного процесса, движимого общественными настроениями [Хазанова, 1980; Хан-Магомедов, 1977]. Стремление к некоторой гуманизации советской культуры в логике американского дискурса «ревизионизма» продемонстрировала работа В. Паперного «Культура Два» [Паперный, 1996], написанная им еще в конце 1970-х годов. Развитие культурных процессов (в первую очередь архитектурных) объяснялось как результат нового мироощущения, которое соответствовало архетипу народного сознания: наступление «Культуры Два» — это естественный процесс в рамках общей цикличности и смены культур. Тем не менее еще раз стоит отметить, что в советской научной практике подобные подходы оставались маргинальными.

«Вытеснение советского» в первой половине 1990-х годов

В подходе американских историков-«ревизионистов», помимо всего прочего, был очевиден ярко выраженный нормативный оттенок — стремление описать социальные конструкции и культурные практики как девиантные формы в таких же девиантных условиях. Данная логика бинарной системы нормативных оценок актуализировалась в России в 1990-е годы, после «архивной революции». К доступным материалам и документам стали применять инструментарий нормативных оценок, некогда выработанный в контексте американской историографии. В целом обращение к западным

исследовательским практикам — определяющая черта российской исторической науки 1990-х годов. В это время только по истории России XX века в свет вышло порядка двух сотен работ зарубежных исследователей. Внутри самой России история СССР стала все чаще интерпретироваться сквозь призму тоталитарной модели — концепции, которая в советский период была практически табуирована: даже намек на параллели между советской системой и нацизмом считался недопустимым и мог повлечь за собой серьезные последствия. В условиях смены идеологического контекста этот подход, опирающийся на либеральную оптику, приобрел статус новой господствующей парадигмы.

Однако вскоре термин «тоталитаризм» утратил аналитическую точность, превратившись в идеологическую метку, активно используемую в публичной и научной риторике. Акцент авторов сместился в сторону социальной критики и символического переосмысления советского наследия — того, что в публицистике и повседневном языке часто обозначается как «совок» [Козлова, 2005, с. 60]. Масштабное рассекречивание архивов дало исследователям богатый материал, который стал основой для формирования нового направления в исторической науке — так называемой ревизионистской школы. Эта тенденция проявилась в стремлении авторов к деконструкции образов и фигур советского прошлого: ключевой задачей становилось разоблачение, демонтаж сложившихся представлений и поиск «сенсационных» сюжетов, скрытых ранее под грифом секретности. Такие авторы, как Э. Радзинский, М. Аджиев, Н. Шахмагонов, В. Суворов, Д. Хмельницкий, фрагментарно и хаотично обращаясь к архивным документам, работали с очень тенденциозных позиций, подчас спекулируя на историческом материале. Вытеснение советского, помимо смены аксиологических установок, также сопровождалось новым интересом к архивным материалам, связанным с дореволюционными сюжетами. По-прежнему оставаясь в макроисторическом нарративе «больших персоналий», усиленное внимание стало уделяться монархам и государственным деятелям Российской империи. Подобный интерес можно объяснить как реализацию компенсаторной исторической практики в условиях отсутствия таких работ в советское время в контексте смены политических ориентиров — символического конфликта имперской и социалистической России в историческом сознании нашего общества.

Описанные процессы «архивной революции», наравне с «образовательной» и методологической», привели к «революции памяти» [Гарвардский проект ... , 2018, с. 6]. Пересмотр и переоценку истории советского прошлого довольно наглядно иллюстрирует цитата Н. И. Дедкова:

В наше время, чтобы числиться в рядах демократических, современных, прогрессивных, мыслящих, достаточно немного: надо лишь утверждать обратное тому, что говорилось десять лет назад. Способ этот безошибочен и общепотребителен. Отказ от собственных взглядов, предание их поношению, замена их на прямо противоположные возведены в принцип и выставляются на показ едва ли не как высшая гражданская доблесть.

[Дедков, 1996, с. 115]

«Тоталитаристские» интерпретации советской истории в 1990-е годы, как показывают сами работы, не были связаны с их эпистемологической ценностью. Не ставилась задача объяснить конкретные процессы, определить их детерминированность, внутреннюю динамику изменений и в целом специфику. Очевидным оказывался ярко выраженный практически-презентистский подход, сформулированный М. Оукшоттом, когда прошлое прочитывается и интерпретируется в перспективе настоящего в связи с теми или иными интересами — «простейший и наименее изощренный способ понимания» [Оукшотт, 2002, с. 139]. Идеологический вакуум довольно быстро оказался заполнен не менее универсальной монометодологической концепцией — цивилизационным подходом. При этом стоит учесть, что в первой половине 1990-х годов чисто физически не могли быть написаны крупные работы, предлагавшие новое переосмысление опыта XX века с использованием широкого пласта архивных материалов. Требовалось время, чтобы освоить появившиеся источники. Этим и объясняется, что «революция памяти» 1990-х годов была связана с «вытеснением советского» — его истории и культурного наследия.

Процессы «вытеснения» в 1990-е годы наиболее отчетливо проявились на фоне масштабной кампании по декоммунизации. Она включала демонтаж памятников, переименование улиц, площадей и городов, возвращение дореволюционных названий и топонимов и зачастую проводилась ускоренно и не всегда упорядоченно. Такие действия были направлены на устранение видимого присутствия советской эпохи из общественного пространства.

Одним из наглядных примеров этих процессов стал парк искусств «Музеон» в Москве. После августовских событий 1991 года сюда начали массово свозить демонтированные памятники, посвященные деятелям советской эпохи. Они располагались на территории парка без четкой системы, фактически в виде складских остатков. Уже в следующем году это пространство было переосмыслено как музей под открытым небом — стихийная коллекция превратилась в официальное экспозиционное поле. «Вытеснение» происходило и в другом некогда значимом культурном пространстве СССР: Всероссийский выставочный

центр, организованный в 1991 году на базе бывшей ВДНХ, представлял себя теперь как культурно-экономический центр, направленный на развитие инфраструктуры российского рынка и предпринимательства [Андреичев, 2001].

Эти процессы сопровождались очевидным кризисом музеев советской политической истории. В первую очередь пострадали учреждения, напрямую связанные с советской идеологией: музеи революционной, комсомольской и пионерской славы, мемориальные музеи, посвященные партийным деятелям, ленинские комнаты. Многие из них были закрыты или утратили прежний статус. В то же время появилась возможность открывать музеи, существование которых во времена СССР казалось немислимым делом по идеологическим соображениям — например, дома-музеи Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Владимира Высоцкого и других деятелей, чьи судьбы и творчество не вписывались в официальную культурную парадигму советской эпохи. Особое развитие в этот период получило краеведение, что было связано с более широкой тенденцией децентрализации и переориентации на локальные идентичности. Уже к 1992 году краеведческие музеи составляли около 41% всей музейной сети страны — их насчитывалось примерно 513 учреждений [Козлов, 2001].

Развитие исторических музеев в этот период имело несколько ярко выраженных тенденций. С одной стороны, это упомянутая краеведческая направленность: создавались музеи истории городов, историко-бытовые, промысловые музеи, популяризовавшие этнокультурное наследие регионов. С другой стороны, обозначился компенсаторный интерес к дореволюционному наследию¹. Возросшее внимание к досоветской истории — сюжет, заслуживающий отдельного исследования. Образ «царской России» стал проникать практически во все культурные практики, начиная с архитектуры, воспринявшей очередную волну «русского» стиля, и заканчивая леттерингом уличных вывесок и баннеров, на которых появились Ъ и даже Θ (фита).

Рефлексивная консервация. Виктимизация рубежа веков

Со второй половины 1990-х кризисные явления отечественной историографии прошлых лет начинают постепенно преодолеваются. Публикуются исследовательские работы с разной проблемной оптикой истории советского прошлого, с применением широкой базы архивных источников, с новыми методологическими подходами к изучению конкретных сюжетов. При этом вновь

¹ Несмотря на то, что интерес к дореволюционному культурному наследию в контексте разработки программ его сохранения и реставрации возник еще в конце 1970-х годов, в 1990-е годы характер этого обращения к досоветскому периоду приобрел несколько иную мотивировку в логике нового целеполагания.

обращение к архивным источникам определялось современной социально-политической повесткой. Формирование новой российской государственности, специфика этого процесса, спровоцировало появление исследований по истории российского государственного аппарата, органов его управления и другим внутривластным механизмам (реформы, кризисы, конституционные изменения) [Хлевнюк, 1996]. Именно к концу 1990-х годов начинают появляться исследования, которые возглавят историографическую тенденцию последующего десятилетия. Ставшие наглядным результатом работы с обширным спектром архивных документов и материалов в предыдущие годы «затишья», эти исследования раскрывали новую оптику тех сюжетов, которые ранее были просто невозможны без должной источниковой базы. Стали появляться работы, посвященные гендерным проблемам (см.: [Здравомыслова, Темкина, 2003; Голдман, 2007]) и истории повседневности советского общества (см.: [Осокина, 1998; Лебина, 1999; Зубкова, 1999; Слэзкин, 2001]). Архивные источники в этих исследованиях интерпретируются в логике микроисторического подхода — относительно новой в России методологии, показавшей свою состоятельность в источниковедческой практике зарубежных исследований [Гинзбург, 2000]. Формулируя новые перспективы исследований советского общества после распада СССР, Фитцпатрик резюмировала:

Некоторые историки обнаружили в архивах огромные залежи писем (жалоб, доносов, обращений) простых граждан властям, что внесло заметный вклад в быстрое развитие изысканий в сфере повседневной жизни, имеющих много общего с исторической антропологией. В противоположность 1980-м гг. (и в соответствии с общими тенденциями исторической науки) нынешнее поколение молодых историков проявляет большой интерес не только к социальной, но и к культурной и интеллектуальной истории, используя дневники и автобиографии для освещения субъективной и индивидуальной сторон советского опыта существования.

[Фитцпатрик, 2018, с. 26–27]

Наиболее показательным образом определить методологию анализа архивных источников удалось Н. Козловой [Козлова, 2005]. Пытаясь определить онтологию советского общества, она отказывается от бинарной системы нормативных оценок. Используя постмодернистский инструментарий (занимаясь, по сути, деконструкцией модернизма, сближаясь в этом смысле с Б. Гройсом), исследовательница феноменальным образом сочетает теории Фуко, Бурдьё, Элиаса, М. де Серто, Рикёра, Гидденса с собственной, марксистской, несколь-

ко ангажированной мотивировкой, воплощенной в историцистском взгляде на советский опыт. Желание отрефлексировать опыт прошлой эпохи, отразив его на современной повестке, — черта историографии конца 1990–2000-х годов. Архивные источники выступают в этом случае в качестве интерпретативного материала. Перспективы подобного подхода весьма непредсказуемы и неоднородны. Работа именно с «недостающими звеньями» оказывается наиболее уязвимой и спорной в методе Козловой. Презумпция микромоделей в виде «маленького человека» как агента влияния на более глобальные нарративы оказывается сомнительной. Таким образом, определялась концепция, согласно которой «прошлое, каким бы образом оно ни появилось, есть определенная разновидность прочтения настоящего» [Оукшотт, 2002, с. 138].

Тем не менее к середине 1990-х годов все более заметным становился интерес к социальной реальности советского периода, к повседневной жизни и быту так называемого *homo sovieticus*. Культурные практики того времени начали все активнее включать в себя мотивы переосмысления советского прошлого. Это проявлялось, с одной стороны, в тенденции к сохранению фрагментов этого прошлого, а с другой — в его осмыслении через призму жертвенности и травматического опыта.

Если в начале 1990-х годов ликвидация советских символов происходила преимущественно стихийно, то со временем она уступила место более структурированной и осмысленной практике сохранения. Так, в отношении экспонатов парка искусств «Музеон» в Москве было принято решение не восстанавливать памятники полностью, если физические повреждения не мешали их сохранности. Напротив, такие изъяны, как трещины, сколы или граффити, начали восприниматься как исторически значимые признаки — визуальные свидетельства смены эпох и общественных настроений. Характерным примером может служить памятник Феликсу Дзержинскому: на его постаменте длительное время сохранялись следы краски и надписи, оставленные в момент демонтажа, такие как «палач», «подлежит сносу», «фашизм не пройдет». Другой показательный случай — монумент Иосифу Сталину, созданный скульптором Сергеем Меркуровым, одним из ведущих мастеров официальной сталинской пластики. Эта скульптура и сегодня выставляется в поврежденном виде: с утраченной частью лица и отколотыми ступнями, что подчеркивает ее статус не только как артефакта ушедшей эпохи, но и как носителя следов политической трансформации. Особенно показательной в этом контексте стала инсталляция, появившаяся в «Музеоне» в 1998 году. Рядом с монументом Сталину была размещена композиция художника-шестидесятника Евгения Чубарова под названием «Жертвы тоталитарного режима». В ней представлены грубо

вырезанные каменные головы, помещенные за решетку внутри бетонной стены, символизирующие сельчан, пострадавших от репрессий, раскулачивания и насильственных переселений в эпоху коллективизации. Сам факт соседства этой работы с фигурами советских вождей производит мощный символический эффект. Персонажи, ранее возвышавшиеся на центральных площадях как олицетворения власти, теперь визуально и концептуально оказываются рядом с образами жертв — как будто помещены в позицию обвиняемых. В таком окружении поврежденный памятник Сталину уже не воспринимается как элемент культа, а становится частью инсталляции, где историческая вина и трагедия переплетаются в форме публичного диалога. Эта скульптурная сцена может быть понята как своего рода художественная попытка примирения: она не просто выступает носителем памяти, но и выполняет терапевтическую функцию — фиксируя напряженные отношения между прошлым и настоящим, между властью и страданием, между теми, кто приказывал, и теми, кто страдал.

Тенденция виктимизации — стремление показать жертвенный опыт советского прошлого через оптику простых людей и их судеб — сообразна историографической практике тех лет, во внимание которой также входил вопрос «советского человека» в контексте микроисторической перспективы. Именно в это время особенно активную деятельность начинает осуществлять общество «Мемориал». Наиболее ярким проявлением виктимизации в контексте культурных институций стал Музей истории ГУЛАГа, основанный в 2001 году. В его экспозиции представлена коллекция архивных документов и личных дел заключенных, переданных музеем в 2001–2002 годах Московской ассоциацией жертв незаконных политических репрессий. Выставочное пространство построено по принципу эго-психологии, в основе которой лежит попытка понять трагическое событие через чужой опыт. Коллекция состоит из писем заключенных, их личных вещей, архивных материалов, картин и фотографий, а также декоративных инсталляций, позволяющих воссоздать атмосферу лагерей.

В контексте упомянутой «консервации» можно рассмотреть сохранившиеся музеи революции. С конца 1990-х годов музеи начинают вести активную деятельность по освоению и внедрению новых музейных технологий, разработке концепций развития. В результате процессов модернизации определяются различные адаптационные программы. Постепенно восстанавливаются межмузейные связи, учреждается неформальная организация, объединяющая около двадцати ленинских музеев, — Товарищество историко-революционных музеев.

Разделяя «настоящее» и «прошлое». Рост множества реликтов

С конца 2000-х годов значение архивных материалов становится определяющим в исследованиях, посвященных отдельным локальным сюжетам, в рамках которых документы могли служить убедительной доказательной базой. Предметом исследований становится широкий спектр тем преимущественно советской эпохи: от автомобилей и магазинов [Сигельбаум, 2011; Иванова, 2018] до нижнего белья и елочных игрушек [Гурова, 2008; Сальникова, 2011]. Убедительность и верифицируемость этих работ — новая характеристика в контексте исследовательских подходов этого времени. В методологии происходит отказ от чрезмерно интерпретативных моделей и выстраивания гипотез в пользу абсолютного источниковедческого фундирования. Другая тенденция, определившая методологию работы с архивами на ближайшие годы, — отказ от феноменологической модели исторического анализа. Сюжеты перестают рассматриваться в директории исторического развития, ведущего к нашему времени. Исчезают диахронические концепции сопоставления. Такие подходы — наглядное отражение модели «исторического познания», которая должна учитывать презумпцию несводимости прошлого к настоящему [Оукшотт, 2002]. Стоит отметить, что к середине 2010-х этот же подход становится формообразующим в исследованиях искусства (причем не только советского). Подобные научные модели получали негативную оценку именно за отсутствие какой-либо критики. Они определялись как апологетические в контексте «реабилитации режима» [Хмельницкий, 2019]. Более того, подобные исследовательские модели могут рассматриваться как своего рода «научный эскапизм» в условиях отказа от какой-либо ангажированности и тенденциозных стремлений. Все больше исследований вырабатывают соответствующие компенсаторные методологии ввиду неполноты доступа к архивам. Примечательными в этой динамике оказываются работы, отказывающиеся от российской архивной базы в пользу альтернативных источников. Исследование «Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне» (2018) фактически полностью построено на материалах, собранных Гарвардским университетом в 1950-е годы. Все больше исследований о Великой Отечественной войне собирают источниковедческую базу из зарубежных архивов (Берлин, Сан-Франциско, Киев и др.) в связи с многочисленными затруднениями получения доступа к материалам российских архивов.

С конца 2000-х годов все очевиднее становится противоречивость конкретных культурных практик «созидательной реставрации» и «терапевтической рефлексии». Последняя воплощена в многочисленных музейно-выставочных проектах, которые посвящены конкретным историческим сюжетам

и выполняют зачастую исключительно образовательную функцию без трансляции какой-либо идеологической программы нормативного характера. Однако проблема идеологического содержания зачастую зависит напрямую от содержания самой программы. В случае с проектом «Засушенному — верить» и его серией выставок критическая повестка оказывается более заметной. Выставка своим подходом близка европейской практике интеграции архивов в искусство. История Соловецкого лагеря особого назначения рассматривается под новой, неожиданной оптикой — через гербарный лист, который выступает как научный источник, символ памяти, архивный документ. Нарратив начинается с трав, проросших за сотни километров от родных мест и найденных вблизи разрушенных лагерных барачных материковых лесозаготовительных походов.

Тем не менее куда более определяющей становится тенденция «созидательной реставрации». Наиболее ярко она проявилась в отреставрированном комплексе ВДНХ — наглядном примере процесса «роста множества реликтов» [Люббе, 2016]. Его критика в первую очередь касалась отсутствия в новом пространстве Выставки переосмысления советского опыта. Согласно этому дискурсу, ВДНХ делает вид, словно не было никакой архивной революции, репрессий, коллективизации, раскулачивания и ГУЛАГа. Единственный пласт архивного материала, который интересен в новой концепции ВДНХ, — визуальное восприятие архивных фотографий вне всякого контекста. Я не вполне согласен с подобной логикой. Сценарии развития ВДНХ предполагают разные программы, нормативная оценка которых уже не вполне корректна. Визуальная архивизация ВДНХ объясняется стремлением наиболее четко отделить «настоящее» от «прошлого», которое полностью выхолащивается, лишаясь критического нарратива, редуцируясь до визуально-образных символов. Нынешнее пространство ВДНХ удачно воспроизводит ту стереотипную визуальную программу ВСХВ, которая оставалась в памяти у большинства людей. Разумеется, в ней не было места ни для модернистских павильонов (большая часть которых была разобрана), ни для рефлексии метаморфоз 1990-х годов, ни тем более — для социально-культурных процессов 1930–1950-х годов. ВСХВ изначально задумывалась в качестве «тотальной амнезии коллективизации, истории колхозного строя, всех его идеологических и культурных репрезентаций в 1930-е и 1960-е годы» [Силина, 2016]. Современное «прочтение» ВДНХ имеет полное право претендовать на воспроизведение этой изначальной функции, причем даже в более интенсивном виде². Вопрос о коммодификации памяти

² В восстановленном рельефе Е. Вучетича один из персонажей приобрел поразительное внешнее сходство с Иосифом Сталиным, хотя до реставрации их объединял только пол.

в этом случае остается открытым. Отказ от всякого нарратива выражен даже во фразеологии: «сталинская архитектура» называется и определяется как «советское ар-деко» — термин весьма спорный в научном дискурсе, но нейтральный и коммерчески благозвучный.

В «Музее», хоть и в менее очевидной форме, прослеживаются схожие тенденции отделения «настоящего» от «прошлого» путем вычищения какого-либо исторического нарратива в директории развития, ведущего к нашему времени. Так, памятник Дзержинскому в 2014 году был полностью отреставрирован, очищен от надписей и краски, приведено в порядок и оформлено прилегающее к нему пространство. Наконец, перед памятником появилась плита, указывающая, что монумент является объектом культурного наследия регионального значения.

Наиболее парадоксальный и неочевидный пример в этом контексте — православная культура, которая также начинает вступать в диалог с советским прошлым, «разархивируя» его. Храм Новомучеников и Исповедников Церкви Русской на Лубянке (2017) уже на этапе проекта показал, насколько разными могут быть формы исторического мышления. Официально заявлено, что храм отсылает к архитектуре ар-деко 1930-х годов. Таким образом, эпохе, исторически лишенной храмовой архитектуры, вернули задним числом этот пласт. Подобная риторическая конструкция автоматически помещает ее авторов в дискурсивную ловушку. Во-первых, не вполне корректно говорить об ар-деко в контексте советской архитектуры; во-вторых, 1930-е годы, куда так стремятся инкорпорировать новый храм на Лубянке, ограничиваются далеко не только этой эстетической линией развития. Куда важнее, что память о репрессиях выстраивается за счет инструментов, применявшихся как раз в 1930-е годы: уничтожение исторического наследия и методы «репрессивного забвения» по Коннертону. Храм посвящен Новомученикам — группе святых, принявших мученическую кончину за Христа или подвергшихся гонениям после Октябрьской революции 1917 года и до наших дней. Другими словами, храм по своей задумке рассматривается как очередной инструмент легитимизации памяти о репрессиях советского государства.

Возможные перспективы

Процессы последних лет оказываются столь сообразны и последовательны по отношению друг к другу, что можно утверждать об определенных тенденциях. Архивная практика все интенсивнее смещается в своих поисках за рубеж (особенно в отношении Великой Отечественной войны). Внутри российских архивов собираются ценные материалы в рамках исследовательских практик,

предмет которых лишен социально-критического нарратива: ведется изучение довольно узких и локальных культурных практик. Именно такие программы служат одной из главных тем современных исторических выставок (про советские гаражи, авиацию авангарда, ВХУТЕМАС и др.). В целом культурные практики, как стало видно, уделяя внимание советскому наследию, вновь его «заколдовывают», но уже в соответствии с рыночно-коммерческой логикой. Бренд «советского», охвативший и леттеринг (популярный ныне проект «Советский Леттеринг»), в противовес интересу к дореволюционному леттерингу 1990-х, конструирует изящную эстетическую модель, провоцируя рост множества реликтов, определяемых в контексте коммодификации. Валоризация советской эстетики не подразумевает включение социально-критической повестки (которая продолжает открываться в архивных источниках). Один из последних примеров этой тенденции — реставрация Северного речного вокзала. Также стоит отметить современную архитектурную практику России, которая стилистически все сильнее отсылает к сталинской («Триумф-Палас» и другие жилищно-строительные проекты «Донстроя»), обуславливая актуальность и востребованность настоящего исследования.

Те, кому не удалось пожить в знаменитых московских высотках, смогут это сделать в ближайшем будущем. (...) Высотки стали воплощением мечты об идеальном жилье, кульминацией монументального стиля и синонимом высочайшего качества. История совершила свой виток развития, и спустя полвека произошло возвращение к состоявшемуся и общепризнанному образу московской высотки.

[Балла, 2007]

Так начинаются статьи о новых жилых комплексах в Москве, напечатанные в журнале «Эксперт», рекламирующие целые комплексы, выполненные в стиле, явно отсылающем к сталинской архитектуре. Взаимные спрос и предложение на эту архитектуру наглядно растут, не находя в современных культурологических исследованиях причины этой тоски по «большому стилю». Рост многочисленных реликтов будет продолжаться до тех пор, пока не настанет необходимость отрефлексировать накопленный материал в контексте новой архивации и смены аксиологических установок. «Настоящее» и «прошлое» так и будут отдаляться друг от друга, пока последнее не перестанет выполнять травмирующую функцию в обществе. Наблюдаем ли мы определенную историзацию опыта, или все это проявление своего рода «замалчивания» — вопрос открытый. Несмотря на это, тенденции цифровизации открывают иные пер-

спективы. Проекты в духе «Прожито» предлагают довольно доступный способ взаимодействия с архивными материалами в виде «эго-документов», работа с которыми возможна напрямую, без сторонних интерпретаций и опосредованного осмысления. Цифровые архивы в этом смысле весьма логично рассматривать как источниковую базу научных исследований с внедрением цифровых методов и механизмов сбора данных для компьютерного анализа.

Список источников

Андреичев М. Всероссийский выставочный центр // Российская музейная энциклопедия. В 2 т. М.: Прогресс, 2001. Т. 1. С. 125.

Балла О. Цитаты из несостоявшегося: сталинская архитектура как отношение к жизни // Журнальный зал. 2007. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/9/czitaty-iz-nesostoyavshegosya-stalinskaya-arhitektura-kak-otnoshenie-k-zhizni.html (дата обращения: 20.04.2025).

Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступит. статья О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М.: РОССПЭН, 2018. 493 с.

Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 272 с.

Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2007. 358 с.

Гримстед П. Российские архивы в переходный период // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 63–83.

Гурова О. Ю. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 287 с.

Дедков Н. И. «Как я документально установил», или «Смею утверждать». О книге Д. А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 115–138.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3–4. С. 299–321.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.

Иванова А. Магазины «Березка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 329 с.

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005. 544 с.

Козлов В. Краеведческие общества // Российская музейная энциклопедия. В 2 т. М.: Прогресс, 2001. Т. 1. С. 301.

Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. 336 с.

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»; Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 1998. 351 с.

Оукшотт М. Деятельность историка // Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 128–153.

Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 386 с.

Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали новогоднюю елку. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 237 с.

Сигельбаум Л. Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. М.: РОССПЭН, 2011. 430 с.

Силина М. Что стало с ВСХВ // Артгид. 2016. 25 апреля. URL: <https://artguide.com/posts/1022#footnote-2> (дата обращения: 20.04.2025).

Слэзкин Ю. Л. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 329–374.

Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.

Фитцпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 320 с.

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980. 373 с.

Хан-Магомедов С. О. У истоков советского дизайна. Металлообработывающий факультет ВХУТЕМАСа (ВХУТЕИНа) // Техническая эстетика. 1977. № 3. С. 14–19.

Хестанов Р. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917–1953) // Социология власти. 2013. № 8. С. 74–96.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.

Хмельницкий Д. Миф о советском ар-деко, или Как называть сталинскую архитектуру? URL: <https://archi.ru/russia/85167/mif-o-sovetskom-ar-deko> (дата обращения: 20.04.2025).

References

Andreichev, M. (2001) “Vserossiiskii vystavochnyi tsentr” [“All-Russian Exhibition Center”], in *Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya. V 2 tomakh. Tom 1* [Russian Museum Encyclopedia. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Progress, p. 125.

Balla, O. (2007) “Tsitaty iz nesostoyavshegosya: stalinskaya arkhitektura kak otnoshenie k zhizni” [“Quotes from the Unfulfilled: Stalinist Architecture as an Attitude to Life”], in *Zhurnal’nyi zal* [Magazine Hall]. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/9/czitaty-iz-nesostoyavshegosya-stalinskaya-arhitektura-kak-otnoshenie-k-zhizni.html (Accessed: 20 April 2025).

Dedkov, N. I. (1996) “Kak ya dokumental’no ustanovil’, ili ‘Smeyu utverzhdad’”. O knige D. A. Volkogonova ‘Lenin’” [“As I Have Documented,’ or ‘I Dare to Assert.’ On D. A. Volkogonov’s Book ‘Lenin’”], in *Istoricheskie issledovaniya v Rossii: tendentsii poslednikh let* [Historical Research in Russia: Trends of Recent Years]. Moscow: AIRO-XX, pp. 115–138.

Fittspatrik, Sh. (2001) *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial’naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody* [Everyday Stalinism. A Social History of Soviet Russia in the 1930s]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)].

Fittspatrik, Sh. (2018) *Russkaya revolyutsiya* [The Russian Revolution]. Translated from the English by N. Edelman. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaidara [Gaidar Institute Publishing House].

Garvardskii proekt: rassekrechennye svidetel’stva o Velikoi Otechestvennoi voine [The Harvard Project: Declassified Evidence of the Great Patriotic War] (2018) Compiled, edited and introduced by O. V. Budnitsky and L. G. Novikova. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)].

Ginzburg, K. (2000) *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel’nika, zhivshego v 16 v.* [Cheese and Worms. A Miller’s Worldview in the 16th Century]. Translated from the Italian by M. L. Andreev and M. N. Arkhangel’skaya. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)].

Goldman, V. Z. (2007) *Zhenshchiny u prokhodnoi. Gendernye otnosheniya v sovetskoi industrii (1917–1937 gg.)* [Women at the Gateway. Gender Relations in Soviet Industry

(1917–1937)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El’tsina” [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Boris Yeltsin Presidential Center Foundation].

Grimsted, P. (1994) “Rossiiskie arkhivy v perekhodnyi period” [“Russian Archives in the Transition Period”], *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 1, pp. 63–83.

Gurova, O. Yu. (2008) *Sovetskoe nizhnee bel’e: mezhdru ideologii i povsednevnost’yu* [Soviet Underwear: Between Ideology and Everyday Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review].

Ivanova, A. (2018) *Magaziny “Berezka”. Paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [“Beryozka” Stores. Paradoxes of Consumption in the Late USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review].

Khan-Magomedov, S. O. (1977) “U istokov sovetskogo dizaina. Metalloobrabatyvayushchii fakul’tet VKhUTEMASa (VKhUTEINa)” [“At the Origins of Soviet Design. Metalworking Faculty of VKHUTEMAS (VKHUTEIN)”], *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Esthetics], 3, pp. 14–19.

Khazanova, V. E. (1980) *Sovetskaya arkhitektura pervoi pyatiletki* [Soviet Architecture of the First Five-Year Plan]. Moscow: Nauka.

Khestanov, R. (2013) “Genezis kul’turnoi politiki i vzniknovenie massovoi kul’tury v SSSR (1917–1953)” [“The Genesis of Cultural Policy and the Emergence of Mass Culture in the USSR (1917–1953)”], *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 8, pp. 74–96.

Khlevnyuk, O. V. (1996) *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 1930-e gody* [Politburo: Mechanisms of Political Power in the 1930s]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)].

Khmel’nitskii, D. (2019) *Mif o sovetskom ar-deko, ili Kak nazyvats’ stalinskuyu arkhitekturu?* [The Myth of Soviet Art Deco, or What to Call Stalinist Architecture?]. Available at: <https://archi.ru/russia/85167/mif-o-sovetskom-ar-deko> (Accessed: 20 April 2025).

Kozlov, V. (2001) “Kraevedcheskie obshchestva” [“Local History Societies”], in *Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya. V 2 tomakh. Tom 1* [Russian Museum Encyclopedia. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Progress, p. 301.

Kozlova, N. (2005) *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. Moscow: Izdatel’stvo “Evropa” [Publishing House “Europe”].

Latyshev, A. G. (1996) *Rassekrechennyi Lenin* [Declassified Lenin]. Moscow: Mart.

Lebina, N. B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn’ sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Everyday Life in the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930s]. St. Petersburg: Zhurnal “Neva”; Izdatel’sko-torgovyi dom “Letnii Sad” [Magazine “Neva”; Publishing and Trading House “Letniy Sad”].

Lyubbe, G. (2016) *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyaschem* [In Step with the Times. A Shortened Stay in the Present]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki [Higher School of Economics Publishing House].

Osokina, E. A. (1998) *Za fasadom "stalinskogo izobiliya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the Facade of "Stalin's Abundance": Distribution and the Market in Supplying the Population during the Industrialization Years. 1927–1941]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Boris Yeltsin Presidential Center Foundation].

Oukshott, M. (2002) "Deyatel'nost' istorika" ["The Activity of a Historian"], in Oukshott, M. *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in Politics and Other Articles]. Moscow: Ideya-Press, pp. 128–153.

Papernyi, V. (1996) *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review].

Sal'nikova, A. (2011) *Istoriya elochnoi igrushki, ili Kak naryazhali novogodnyuyu elku* [History of the Christmas Tree Ornament, or How the New Year's Tree Was Decorated]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review].

Sigel'baum, L. (2011) *Mashiny dlya tovarishchei. Biografiya sovetskogo avtomobilya* [Cars for Comrades. Biography of the Soviet Automobile]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)].

Silina, M. (2016) "Chto stalo s VSKhV" ["What Happened to VSKhV"], *Artgid* [Artguide], 25 April. Available at: <https://artguide.com/posts/1022#footnote-2> (Accessed: 20 April 2025).

Slezkin, Yu. L. (2001) "SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili Kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblennost'" ["The USSR as a Communal Apartment, or How the Socialist State Encouraged Ethnic Separation"], in *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones in Historiography of Recent Years. The Soviet Period: An Anthology]. Samara: Izdatel'stvo Samarskii universitet [Samara University Publishing House], pp. 329–374.

Zdravomyslova, E. A. and Temkina, A. A. (2003) "Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve" ["State Construction of Gender in Soviet Society"], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 1(3–4), pp. 299–321.

Zubkova, E. Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)].

Информация об авторе: Владимир Борисович Калашников — аспирант Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Vladimir B. Kalashnikov — Postgraduate student at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2026;
принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 04.05.2025;
approved after reviewing 01.03.2026;
accepted for publication 10.03.2026.